

французской поэзии. И даже в XVIII веке французские теоретики, поднимавшие бунт против преклонения перед античностью, доказывали не столько право французского поэта писать по другим законам, чем законы античного искусства, сколько его право считать французскую поэзию столь же ценной, как и античная, и имеющей свои особенности в пределах единой нормы прекрасного. Таким же образом в XVIII столетии немецкие литераторы «прославляли» свой язык и свою литературу, подводя их под нормы уже и античной и французской филологической и эстетической культуры.

Это и была концепция «странствования Муз»: Музы — всегда и повсюду те же; но они озаряют своим светом последовательно то одну, то другую страну. Они жили в Греции, в Риме, затем посетили Италию, затем Францию, наконец, — полагал Тредиаковский, — они явились в Россию, и русская поэзия оказалась достойной принять их закон («Эпистола к Аполлину», 1735), и орудие поэзии, русский язык оказался достойным воплотить высшую степень умственной культуры. Отсюда и своеобразное сочетание у русских писателей-критиков первой и даже нередко второй половины XVIII века страстного стремления утвердить величие своего языка, своей поэзии, своего народа — творца и того и другого, — и формы этого утверждения — через приравнивание их высокого достоинства другим, уже ранее «прославившимся» культурам. Поэтому, когда Сумароков называет Ломоносова — «он наших стран Малерб, он Пиндару подобен», он хвалит его, как поэта, сравнившего русскую поэзию с высокими нормами поэзии французской и греческой; и здесь было одинаково важно и приравнивание Ломоносова Малербу и Пиндару, и то, что Ломоносов объявлялся Малербом «наших стран», т. е. явлением именно русской культуры, самостоятельно равной другим высоким культурам. Тот же смысл имели ходовые похвальные обозначения русских поэтов иноземными именами — как бы знаками высших норм в их применении к русской национальной литературе; так, Сумарокова называли русским Расином, Хераскова — русским Гомером, и даже еще Державина — русским Горацием, хотя индивидуального сходства между Херасковым и Гомером, так же как между Державиным и Горацием, вовсе не было, да никто и не предполагал такого сходства.

Задачу «защиты и прославления» русского литературного языка выдвинул еще Тредиаковский. В своей декларативной и программной речи 1735 года при открытии «Российского собрания», мыслившего им как некий русский аналог Французской академии, он говорил: «Не думаете ли вы, что наш язык не в состоянии находится быть украшаем? Нет, нет, мои господа; извольте отложить толь неосновательное мнение. Посмотрите, от Петра Великого лет, обратившись на многие прошедшие годы, то рассудив,